

БРЕНДИ ПУРДИ

Пламенная роза
Мюдоров

Два наваждения — запретные объятия и корона

Трагическая и страстная история любовного треугольника!

Англия, XVI век. Судьбы двух женщин связала любовь к одному мужчине. Гордая Елизавета I и наивная и чистая Эми Робсарт, королева и провинциалка...

Золотоволосая смешливая Эми очаровала Роберта с первого взгляда, и вскоре они сыграли пышную свадьбу. Но счастье оказалось коротким и горьким... Быстро охладевший к жене Роберт отправляется в столицу, и до Эми доходят слухи, что у него роман с самой королевой! Он не хочет видеть жену и готов на все, чтобы добиться руки Елизаветы... Эми не может поверить в жестокое предательство. Она готова сражаться за свою любовь!

Все вокруг ликовали, кричали и пели о своей любви к Елизавете, благословляли ее, желали долгих лет жизни и благодарили Господа за то, что тот позволил ей взойти на трон, и одна только я искренне ненавидела эту женщину. Ей и так досталась любовь всего английского народа, так зачем ей еще и пылкие чувства Роберта? Мне ведь они куда как нужнее!

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3006-9

9 785991 030069

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-7658-4

9 789661 476584

Пламенная роза Мюдоров БРЕНДИ ПУРДИ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Пламенная роза
Мюдоров

Бренди Турди

Пламенная роза
Тюдоров

РОМАН

ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД
2014

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111 (73)
ББК 84.7США
П88

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Выражаем особую благодарность
литературному агентству «Andrew Nurnberg Literary Agency»
за помощь в приобретении прав на публикацию этой книги
Все права защищены

Переведено по изданию:
Purdy B. The Queens' Pleasure : A Novel / Brandy Purdy. —
2012. — 384 p.

Перевод с английского *Владимира Полякова*

Дизайн и иллюстрация на обложке *Наталии Струковой*

ISBN 978-966-14-7658-4 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3006-9 (Россия)
ISBN 978-0758265982 (англ.)

© Brandy Purdy, 2012
© Hemiro Ltd, издание на
русском языке, 2014
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», пе-
ревод и художественное
оформление, 2014
© ООО «Книжный клуб
"Клуб семейного досу-
га"», г. Белгород, 2014

Земные браки начинаются с радости,
а продолжают горечью.

*Сэр Уильям Сесил
о браке Роберта Дадли и Эми Робсарт*

Эми Робсарт Дадли и королева Елизавета I

Я думала о ней.
Она — думала обо мне.

Елизавета

*Церковь Богоматери в Оксфорде,
воскресенье, 22 сентября 1560 года*

Я велела Кэт принести табурет и превратиться в дракона, чтобы охранять дверь в опочивальню, пока меня не будет.

— Ни одна живая душа, будь то мужчина или женщина, не должна переступить порог этой комнаты. Скажешь, что меня мучит жутчайшая мигрень и тот, кто осмелится потревожить мой покой, пусть пеняет на себя, — наставляла я нянюшку, сбрасывая с себя царственные одежды из белой парчи, украшенные жемчугами и самоцветами и расшитые золотом: громоздкую юбку с фижмами, которая так и осталась стоять на полу, словно боевой доспех; за ней последовали накрахмаленные юбки, отделанные драгоценными камнями, шелковые чулки — их покупал мне Роберт со свойственной ему расточительностью, заказывая в самой Испании по двадцать пар зараз, — и, наконец, сорочка из прозрачной газовой ткани, невесомая, словно вуаль невесты, и тонкая настолько, что через нее можно было бы с легкостью читать книгу при ярком свете и при

условии, что она была бы написана достаточно густыми чернилами.

И вот все это пышное убранство покоится у моих нагих стоп, а алые рубины и лазурные сапфиры на небрежно брошенном изысканном туалете напоминают плывущие в пене густых сливок цветы. Я выпрямилась во весь рост и, сделав глубокий вдох, всласть потянулась, подняв руки высоко над головой. Если бы это мог видеть сейчас Роберт, он наверняка сравнил бы меня с Афродитой пенорожденной, выходящей из волн прибоя. Но не о Роберте теперь я должна была думать. Я снова глубоко вздохнула, прежде чем сделать шаг вперед, оставив позади богатые, роскошные белоснежные наряды, и облачиться в рубаху из небеленого льна и коричневую одежду простолюдина из полотна и кожи.

Не обращая внимания на причитания встревоженной Кэт, которая походила сейчас на птицу, надрывно кричащую в позолоченной клетке и тщетно пытающуюся вырваться на свободу, я натягивала высокие кожаные сапоги для верховой езды, а она все кружила и хлопотала вокруг меня, закалывая волосы потуже и умоляя оставить эту безумную и опасную затею.

Как только мои знаменитые огненные локоны скрылись под коричневым матерчатым чепцом, я поднялась на ноги и одним лишь властным жестом своей изящной мраморно-белой руки отослала Кэт за дверь, положив конец ее болтовне, словно палач, единственным ударом топора отправляющий преступника на тот свет. В воцарившейся после ее ухода звенящей тишине я схватила кожаные перчатки вместе с хлыстом и направилась к потайной двери, ведущей на лестницу. Спустившись по ней, можно было попасть прямо в сад, где я так часто прогуливалась по утрам в одной сорочке, прежде чем вновь взять в руки королевские регалии и приступить к повседневным своим обязанностям. Тогда

я принимала на свои плечи тяжкий груз правления державой и порой чувствовала себя при этом самой одинокой женщиной на всем белом свете.

Я крепко держалась за стену, осторожно ставя ноги в тяжелых сапогах на каменные ступени, которые тускло освещались угасающим пламенем факелов. «Лестница! Вечно на лестницах случаются какие-нибудь несчастья: убийство либо еще что-нибудь страшное». Я никак не могла отогнать от себя эту мысль.

У реки меня ждала обычная наемная лодка, а на другом берегу — скакун, быстроногий гнедой жеребец, мускулистый и поджарый. Тоже подарок Роберта. Безрассудно и опрометчиво было с моей стороны отправиться в подобное путешествие под покровом тайны, совсем одной. Я, английская королева, отправилась в тайное паломничество без привычной свиты, без камеристок и стражи, в полном одиночестве, переодевшись в мужскую одежду. Со мной может случиться все что угодно — можно ждать нападения шайки воров или ватаги головорезов, меня могут убить или обесчестить и бросить гнить в яме, если мой обман раскроется. Или же принудят доживать свои дни пленницей в непотребном доме, угождая похотливым мужчинам, если я так и не решусь раскрыть свою тайну, или попросту не поверив в мою невысказанную историю. С каждым шагом я все отчетливее представляла себе возможные последствия своего легкомыслия, но мы с опасностью давно уже водили близкую дружбу; так или иначе, мы шли с ней рука об руку с самого момента моего рождения. Я никогда не чувствовала себя под защитой, безопасность представлялась мне вымыслом, в который даже поверить трудно. Мне удалось пройти невредимой сквозь перепады настроения и убийственный гнев своего царственного родителя, и даже когда родная сестра, так и не сумев, как ни старалась, отыскать

хотя бы крупицу моей вины, возжелала погубить меня и заточила в темницу, мне удалось выстоять.

Я осталась в живых, а та, другая, умерла — кровь за кровь. Она встретила свой конец в гордом одиночестве, некому было защитить ее от опасности, уберечь от смерти, уготованной злым роком, собственным отчаянием, губительной оплошностью и низостью людских душ. Вот почему я отправилась в это одинокое путешествие, сменив царственный облик и оставив дома пышное убранство, и помчалась, как ветер, в Оксфорд под проливным дождем, смывавшим скорбные слезы, струившиеся по моим щекам.

Я прибыла вовремя, к началу похоронной церемонии. Плакальщицы и городские зеваки, рвавшие хоть мельком увидеть погребальное шествие, выстроились вдоль дороги с непокрытыми головами под сильным ливнем, прижав шапки к груди.

Я прикрыла глаза и представила рыдающую в приступе ярости Эми. Она стучала кулачками по тюфяку, устилавшему ложе, которое ей полагалось делить со своим мужем в собственном доме, а не спать одной, словно она была вечной гостьей безмерно дорогого друга или камердинером, всеми силами старающимся услужить своему благородному и могущественному господину, Роберту. А господин этот занимал должность королевского конюшего и — если верить слухам — был фаворитом королевы, из милости сохранившим нежеланную жену. Как же она, должно быть, ненавидела меня, негодуя на несправедливости этого мира: рак поселился в ее безукоризненной белоснежной груди, по капле высасывая из нее жизнь, лишая сил и воли, словно безобразная, раздувшаяся пиявка, которой суждено пить кровь несчастной до тех пор, пока будет биться ее сердце; ее муж всей душой любил другую, желавшую ей смерти и, возможно, даже пытавшуюся приблизить ее конец, чтобы

поскорее заполучить Роберта в супруги, посулив ему в качестве приданого корону. И та женщина — английская королева — похитила, как думалось Эми, единственную ее любовь. У нее были все основания злиться, горевать, бояться... и ненавидеть меня.

Когда бальзамировщики вскрыли тело первой жены моего отца, гордой и неукротимой Екатерины Арагонской, то обнаружили, что сердце ее сжала в смертельных объятиях раковая опухоль. Кое-кто даже решил, что женщина, последние силы истратившая на письмо моему отцу со словами «клянусь, больше всего на свете очи мои жаждут увидеть тебя», умерла и в самом деле из-за разбитого сердца. Был ли подобный роковой недуг Эми живым свидетельством боли, жившей в ее груди все это время, бесспорным доказательством того, что сердцу ее было нанесено смертельное увечье, когда из него вырвали силой пронзившую его когда-то стрелу Купидона? Если бы дело и впрямь было в этом, если бы все слухи и пересуды о нас были правдивы, то это мы — мы с Робертом — были бы виновны в ее смерти. Бесчувственный и безразличный Роберт выдернул эту стрелу, обрекши жену на страдания и верную гибель, и одарил меня своей любовью. А я, эгоистичная и самодовольная женщина, опьяненная свободой и недавно обретенной властью распоряжаться собственной судьбой, поддалась не ведающей границ страсти и приняла чувства Роберта, словно подношение, жертву, возложенную к ногам алебастровой статуи какой-нибудь богини.

Черные перья, что украшали перекладыны, водруженные на плечи мужчин, несших гроб, повисли и испачкались, побитые тяжелыми каплями дождя, и были похожи теперь на чернильные каракули на мокром листе. Они напоминали те залитые слезами письма, что Эми отсылала своему мужу.

Двадцать восемь человек в длинных черных одеяниях с капюшонами — по одному на каждый год ее жизни — шли длинной извилистой дорогой в торжественной процессии по два, провожая Эми в последний путь. Я содрогнулась, вспомнив письмо, обнаруженное мною однажды на полу в комнате Роберта. Скомканное, оно лежало на каменной плите перед очагом. В порыве злости он швырнул его в камин, но промахнулся и даже не дал себе труда встать с места и подобрать листок, чтобы предать огню. Вместо этого оставил его лежать там, где кто угодно — слуга, королева или же шпион испанского посла — мог поднять его и прочесть те смазанные, полные боли строки, которые были написаны наспех на мокрой от слез бумаге. Она писала о встреченном на площади в Камноре призрачном монахе в серой рясе и капюшоне, скрывавшем его лицо — «лицо самой смерти!» — во тьме, недоступной человеческому глазу. «Знаю, в тот день мне явила свой лик Смерть, — настаивала Эми. — Она охотится за мной!»

И вот под печальный звон колоколов мужчины, чьи лица скрыты капюшонами, несут Эми к могиле — в серый, ненастный день. Даже небо льет слезы по усопшей. Гроб был тяжел, его пришлось нести по очереди: одни снимали с плеч это тяжелое бремя, присоединяясь к непрерывной череде людей, пришедших почтить память покойной, в то время как другие занимали их место; каждая смена носильщиков была продумана тщательно, словно военный маневр, каждое их движение напоминало танец в придворном театре масок, где никто не совершал оплошностей, сделав неверный шаг. Немногочисленные родственники, служанки и камердинеры, бывшие при ней в Камноре, шли следом за гробом, и лишь некоторые из них надрывно рыдали, в то время как остальные радовались тому, что очутились хоть на один короткий миг в центре назревающего шумного скандала.

Все они красовались в новеньких траурных одеждах, купленных им отсутствующим на похоронах вдовцом, пожелавшим остаться в своем белостенном особняке в Кью и жалеть себя, вместо того чтобы скорбеть по жене, чья смерть, хоть и своевременная, все же причинила ему серьезные неудобства. Позади всех вышагивал хор мальчиков в белых стихарях, с торжественным видом сжимавших в руках черные молитвенники.

Под детское пение у траурного алтаря в освещенной свечами церкви Богородицы гроб открыли, задрапировали его черной шелковой тафтой, окаймленной черно-золотым шелком, окружили свечами и расставили вокруг геральдические щиты с изображением медведя, символа рода Дадли, и эмблемы самого Роберта — узоров из дубовых листьев и желудей. Эми покойно лежала в гробу на катафалке, уставленном у алтаря, ожидая грядущего погребения.

Доктор богословия Бабингтон, одутловатый низкорослый мужчина с залысиной и в перекосившихся очках, то и дело соскальзывавших с носа, начал свою проповедь: «Блаженны мертвые, умирающие в Господе»¹, однако слушателей нашлось не много, ибо все сидели на церковных скамьях либо стояли сзади, сплетничая о том, как именно леди Дадли встретила свой конец: была то роковая случайность, злой умысел либо, «не приведи боже», бедняжка сама наложила на себя руки от отчаяния, а также о том, что, по слухам, не почтивший своим присутствием похороны супруг потратил на эту потрясающей красоты церемонию невероятную сумму в две тысячи фунтов, не считая затрат на собственные траурные одежды, которые, как говорят, были воплощением изящества. Однако все в ужасе ахнули и умолкли, когда доктор Бабингтон случайно оговорился

¹ Откр. 14:13. (Здесь и далее примеч. пер.).

и, прося, чтобы «эта благочестивая леди осталась в нашей памяти на все времена», вместо последних слов нечаянно произнес «умерщвлена». Сам доктор богословия замер у кафедры, разинув рот, но в конце концов выдохнул: «Милостивые небеса, неужто я это сказал...» — и поспешно продолжил проповедь. При этом он покраснел до кончиков ушей, стал пришепetyвать и запинаться на каждом слове, будто это его бедный язык упал с лестницы, и теперь ему становилось все хуже и хуже с каждым новым словом. Затем вперед торжественно выступили близкие усопшей и замерли на миг у гроба, чтобы сказать леди Дадли последнее прости. Для тех же, кому требовалось больше времени, чтобы проститься, Роберт предусмотрительно велел поставить у изголовья катафалка и в его изножье несколько великолепных — и, несомненно, дорогих — скамей, обтянутых черным бархатом с каймой из венецианских золотых и черных шелков, так что каждый мог присесть на них и оплакивать покойную столько, сколько ему было нужно.

Родственники и близкие Эми чередой потянулись к выходу, чтобы отправиться в близлежащий колледж на поминальную трапезу, где и почтить память усопшей, а дородная седеющая женщина с круглым морщинистым лицом, покрасневшим и опухшим от слез, живо напомнившая мою любимую камеристку Кэт Эшли, возложила на смертный одр букетик лютиков, после чего спрятала лицо в ладонях, и плечи ее судорожно затряслись от громких, надрывных рыданий. В конце концов она развернулась и последовала за остальными. Чей-то голос в толпе сказал, что это мистрис Пирто, камеристка Эми, «искренне любившая свою госпожу всем сердцем и проведшая с ней рядом всю ее недолгую жизнь».

Когда в церкви не осталось ни одной живой души, я преисполнилась решимости, расправила плечи и направилась

к задрапированному черным гробу, слыша, как отдается звонким эхом стук моих тяжелых сапог по каменному полу. Как бы тихо я ни старалась шагать, в моих ушах производимый мною шум звучал набатом, я не раз виновато оглядывалась, будто одно мое присутствие здесь уже было преступлением. Я знала, что меньше всего Эми желала бы видеть сегодня меня: наверняка ей думалось, что я появлюсь на похоронах лишь для того, чтобы насладиться своим триумфом, — ведь она умерла, и ничто не мешает теперь Роберту жениться на мне.

Свечи в высоких белых канделябрах были выставлены в форме полумесяца позади гроба. Неужели кто-то знал, что Эми всегда боялась темноты, боялась угрожающих теней и того, что могло в них скрываться, и именно потому здесь поставили эти свечи — чтобы успокоить ее? Или же они хотели просто соблюсти традиции и осветить лицо покойной?

Мягкие золотистые кудри сияли в свете свечей, обрамляя белое как воск лицо. Венок из шелковых лютиков венчал ее безупречные локоны — живые цветы очень скоро поникли бы и завяли в гробу. Прах к праху, пыль к пыли; ничто живое не вечно — ни цветы, ни прекрасные девушки, слишком молодые для того, чтобы умирать. Кто же сплел этот чудесный венок из желтых лютиков, кто уложил эти восхитительные кудри? Должно быть, тут не обошлось без любящей свою хозяйку мистрис Пирто. Я очень живо представила, как она сидит у камина, ослепнув от горя, ее слезы капаят на руки с шишковатыми пальцами и выступающими венами, в последнем порыве любви пальцы ловко вырезают и сшивают вместе шелковые лепестки желтых цветов, которые всегда так нравились Эми. О, Эми обожала лютики, я помнила это еще со дня их свадьбы: тогда она несла в руках огромный букет этих полевых цветов, а голову ее венчала корона, украшенная их лепестками. Они же были

вышиты золотом на кремовом атласном подоле ее платья — того самого, что было на ней и сейчас. Эми отправлялась в последний путь в своем подвенечном платье. Господи, хоть бы после смерти она встретила и полюбила более достойного, нежели тот, кого уготовила ей судьба при жизни!

— Любовь, — задумчиво молвила я, — бывает так добра к одним и так жестока к другим...

Это ее непостоянство — одна из непреложных истин самой жизни, для одних оно становилось благословением, для других же — страшнейшим проклятием.

Она сильно изменилась. Болезнь, мучившая молодую женщину в последнее время, оставила на ее лице свой пагубный след, который не укрылся от моего взгляда, хоть я и видела ее всего несколько раз. Трижды, если быть точной, при этом один раз — лишь издали. Впервые я увидела Эми в день ее свадьбы, мне тогда еще подумалось, что эта невысокая пухленькая блондинка, пышущая здоровьем, совсем скоро обзаведется кругленьким животиком, поскольку наверняка понесет. Я нисколько не сомневалась, что она будет рожать одного ребенка за другим. С такими полными грудями и пышными бедрами она, казалось, была просто создана для материнства и вскармливания младенцев. Однако вышло все совсем не так. Эми Робсарт не обрела ни семейного, ни женского счастья, не нашла она утешения и в радостях материнства, обошедших ее стороной. И вот теперь она лежит здесь, в гробу, мертвенно-бледная, изнуренная и исхудавшая — рак лишил ее всех женских прелестей, а остальное забрали жизненные невзгоды и несчастная любовь. Передо мной лежала женщина, чьи надежды и мечты умерли задолго до смерти ее тела.

День ее венчания, тот солнечный июньский день, должен был стать самым счастливым в жизни Эми. Я сама была тому свидетелем: я видела радость жизни в ее сияющих голу-

бых глазах, ее лучезарную обаятельную улыбку, любовь и доверие, читавшиеся на ее светлом лице каждый раз, когда она смотрела на Роберта. Я чувствовала себя незваной гостьей на этой свадьбе, а кроме того, мне не давали покоя мучительные уколы ревности, посещавшие меня всякий раз, когда я смотрела на жениха и невесту; я завидовала им, завидовала Эми, точнее, завидовала тому, чего у меня самой никогда не будет, хоть и не была уверена, что мне это нужно. Я смотрела на нее, и в моей душе происходило нечто похожее на перетягивание каната, народную забаву, устраиваемую на ярмарках: одна часть меня хотела оказаться на ее месте, а другая — упрямо тянула канат на себя, напоминая о наставлении моей матушки, данном, когда мы с ней виделись в последний раз: «Никогда не сдавайся!» Перед моим внутренним взором предстал призрак похотливо ухмыляющегося Тома Сеймура в распахнутом парчовом халате, стоящего у изножья моего ложа; его мужское достоинство восстало и отвердело, и вот он уже бросается на опьяненную лишь недавно пробудившейся чувственностью, смешливую и легкомысленную девчонку, какой я была тогда.

Теперь Эми лежит в гробу. Представлявшееся столь радужным будущее оказалось фальшивым, как безделушки, что продают на деревенских ярмарках торговцы доверчивым селянам, уверяя, что на прилавках у них лежит чистое золото и самоцветы, хотя на самом деле богаты они лишь стеклом и оловом, с которых очень скоро стирается позолота, обнажая их истинную сущность. Не все то золото, что блестит.

Руки ее покоились на зашнурованном золотой тесьмой лифе подвенечного платья. Казалось, что солнечные лютики, которыми был расшит кремовый атлас туалета, покачиваются на чуть заметном, нежном ветерке — такое впечатление складывалось благодаря игре света свечей на

таинственно мерцающих позолоченных нитях. До чего грустно было осознавать, что даже платье Эми продолжает жить, в то время как ее уже нет на этом свете!

Кто-то — должно быть, любящая мистрис Пирто — пришел к низкому квадратному вырезу корсажа высокий воротник, украшенный тончайшим кружевом кремового же цвета и изящными оборками, расшитый золотыми нитями. Он удерживал в надлежащем положении сломанную шею. Но если присмотреться внимательнее, можно было заметить белеющие под ним бинты, туго стягивавшие хрупкую, тонкую шею. Да, на шею живого человека такую перевязь наложить бы не удалось! Еще одним напоминанием об ушедших счастливых днях ее жизни служил повязанный чьими-то заботливыми руками вычурный кружевной пояс, разукрашенный лентами и жемчугами, красовавшийся и тогда, в первый раз, на ее платье из парчового атласа. Мне представилось сразу, как мистрис Пирто склоняется над покойной своей госпожой, одевая ее в последний раз, касается ее бледного лица, нежно целует в холодный лоб и шепчет, всхлипывая: «Пусть с тобой останутся лишь самые счастливые воспоминания, милая моя, а невзгоды развеются».

Я заметила, что руки Эми непокрыты, а ногти обкусаны до крови; должно быть, кожа возле них постоянно воспалялась и кровоточила. Роберт, очевидно, решил, что драгоценности усопшей ни к чему, что это все равно что выбросить их прямо в воды Темзы. Не было даже обручального кольца с золотым дубовым листком и янтарным желудем, оно кануло в Лету так же, как их любовь, символом которой когда-то служило. Куда же оно пропало? Я содрогнулась от одной мысли о том, что могу когда-нибудь найти его на своей подушке или получить в бархатной коробочке — в дар. Искренне надеюсь, что этого никогда не случится.

Так не должно было быть. Эми, обожавшая изящные украшения и наряжавшаяся всегда по последней моде (Роберт частенько сетовал на то, что она заказывает себе ни много ни мало — по четырнадцать новых туалетов в год), была достойна чего-то большего, чем наряд с простыми кружевами и цветами, пусть и богатый шелками и искусной вышивкой.

Я сняла перчатки и взглянула на собственные руки — идеальной формы блестящие ногти на длинных белых пальцах, украшенных кольцами с бриллиантами, которые мне дарил ее муж. В спешке я забыла снять свои кольца. Их все, кроме золотого перстня с ониксом, врученного во время коронации, преподнес мне именно Роберт. Он тешил мое тщеславие, ему нравилось унижать мои пальцы холодными самоцветами и покрывать горячими поцелуями.

Но ей-то непременно должны были оставить хоть что-нибудь! Я начала стаскивать с себя кольца, но потом вспомнила, что Эми терпеть не могла бриллианты. У меня в ушах, будто наяву, звучал голос Роберта, высмеивавшего ее, называвшего бестолковой дурочкой. Он был уверен в том, что каждая женщина просто обожает бриллианты и душу дьяволу за них продаст. Помню, как он, копируя женский голос, высокий, дрожащий и робкий, сотни раз повторял слова, сказанные Эми: «бриллианты похожи на слезы, застывшие во времени». Эти же слова были вполне уместны и по отношению к самой покойной: Эми в свои двадцать восемь лет стала настоящей слезой, замерзшей во времени.

Я сняла кольца и стала одно за другим надевать их на тонкие ледяные, окоченевшие пальцы, размышляя о том, что все бриллианты нашего брэнного мира по числу не сравнятся со слезами, которые пролила из-за нас с Робертом эта женщина. Да, пролила она их немало — целые океаны слез. По меньшей мере последние два года, возможно, даже

дольше, ее страдания не прекращались ни на минуту. Любовь Роберта умерла намного раньше, чем Эми. Любовь зла, она убивает медленно.

Я оставила покойнице бриллиантов на целое состояние, но даже мне, всемогущей Елизавете, английской королеве, не под силу было вернуть ее к жизни или забрать ту боль, что я ей причинила. Роберт женился на ней, влекомый юношескими мечтаниями и горячей молодой кровью, в порыве неодолимой страсти к деревенской прелестнице, обладающей простой, чистой красотой и очарованием юности, лишенной лоска, хитроумия, жеманности и легкомыслия, без которых невозможно представить нынешних придворных дам, увешанных драгоценностями, облаченных в шелка, атлас и бархат и украшенных страусовыми перьями, окутанных ароматами экзотических благовоний и поправляющих изысканные прически из завитков, кудрей и кос... Наглядевшись на их неестественно выщипанные брови, накрашенные губы и разрисованные лица, он возлег на брачное ложе с любимой женщиной, а наутро обнаружил, что на самом деле между ними нет ничего общего. Роберт негодовал, возмущался, винил ее за поспешность союза, навеки связавшего их жизни. Хотя для дочери сквайра он и был настоящим подарком судьбы, сам Роберт, будучи сыном герцога, мог найти себе намного лучшую партию, подыскать невесту с куда более богатым приданым и древней родословной. Его отец, братья, друзья — все пытались урезонить влюбленного по уши семнадцатилетнего юношу, шедшего на зов плоти, а не здравого смысла. Однако все их увещевания пропали втуне. Роберт поспешил с женитьбой, но осознание совершенной ошибки пришло к нему не сразу. И вся его доброта, что он осознал много позднее, постепенно сменялась злобой, все чаще и чаще он раскаивался в своем недалеко-видном, ребячливом поступке. Это происходило в первую

очередь из-за меня, женщины, которую он так хотел заполучить, но не мог; женщины, которая могла бы, стоило ей только захотеть, сделать его королем, но которую он интересовал лишь в определенном смысле и которая никогда бы не стала довольствоваться ролью покорной жены либо кланяться мужчине как своему господину. Роберт истово верил, что в один прекрасный день переубедит меня, все прочие опасались, что ему это удастся, а Эми, невинное дитя, очутившееся меж двух враждующих сторон, что называется попала под перекрестный огонь.

Я хотела защитить Эми, хотя уверена, что едва ли нашелся бы человек, который, узнав об этом, поверил бы в искренность моих намерений. Не могу никого в этом винить: если бы речь шла не обо мне самой, не поверила бы и я. Эта моя неудача хранилась в особом ларце за семью печатями в моем сердце, куда отправлялись все мои сожаления и раскаянья. Но я не могла уберечь Эми от союза, в котором любовь теплилась лишь в одном сердце, не в двух, равно как не могла я спасти ее и от рака, и от амбиций ее мужа, и от собственного жестокого кокетливого каприза, из-за которого я продолжала дразнить Роберта, держа его на коротком поводке. Я стала для него желанной целью, такой далекой и такой близкой одновременно, лишь изредка позволяя ему заключить себя в объятия, одарить поцелуем или приласкать, но каждый раз неизменно оставляя победу за собой. Я играла с ним, словно кошка с добычей, — так я вела себя со всеми своими воздыхателями; Роберт был особенным лишь потому, что я любила его. Но хоть чувства мои и были сильны, я не питала относительно него никаких иллюзий. Моя любовь к Роберту, что бы там ни думали остальные, никогда не была слепой, я всегда видела его насквозь, как будто взор мой был острее ястребиного и мне под силу было заглянуть в самую глубину души этого человека. Уже давным-

давно жизнь научила меня не идеализировать любовь, и я считала, что это — удел поэтов и бардов. Мои бывшие иллюзии стали для меня суровым уроком — и учеба моя началась, лишь только я выбралась из колыбели. Отец. Шесть его жен, среди которых были моя мать и ее кузина, чья жизнь закончилась на эшафоте. Второй муж моей мачехи Том Сеймур¹, статный и безрассудный красавец, наведывавшийся по утрам ко мне в опочивальню, чтобы позабавиться со мной и поведать неопытной девице о строении человеческого тела способами гораздо более откровенными, нежели позволяли себе ученые мужи в своих трудах. Моя бедная, безумная, обманутая всеми сестра, никогда не знавшая любви и всю жизнь тосковавшая по Филиппу, королю испанскому. Холодный и властный сводный брат-испанец, добывавшийся меня за спиной собственной жены, одаривавший меня драгоценностями и даже приказавший проделать в стене моей комнаты едва заметное отверстие, чтобы подглядывать за мной, когда я принимаю ванну, переодеваюсь или пользуюсь ночным горшком. Все они оказались превосходными учителями, а я — необычайно способной ученицей, очень быстро осознавшей, что учиться можно не только во время занятий.

Я всегда буду любить Роберта Дадли, он был мне лучшим другом с тех пор, как мне исполнилось восемь лет, и стал бы — позволь я ему — пылким любовником и супругом, но что-то влекло и притягивало его гораздо сильнее, чем Елизавета Английская, королева-девственница — его путеводной звездой всегда было честолюбие. Мне прежде встреча-

¹ Последняя жена Генриха VIII Екатерина Парр пережила супруга и вскоре вышла замуж за Томаса Сеймура — дядю малолетнего короля Эдуарда VI и брата всемогущего тогда герцога Сомерсетского, лорда-протектора Англии.

лись люди, которых это эфемерное, манящее, сияющее светило сожгло дотла, и они всю свою жизнь шли за этой звездой, пытались поймать удачу за хвост, но лишь изредка достаивались жалких крупниц и в большинстве случаев до самой смерти так и не достигли заветной цели. Да, Роберт служил лишь одному господину — собственному тщеславию, несмотря на все свои немаловажные достоинства: черные сверкающие глаза, неповторимая улыбка, перед которой не способно устоять сердце ни одной женщины, высокий рост, мускулистые ноги опытного наездника и одновременно нежные и сильные, грубые и ласковые руки, острый ум, очарование, образованность и страстность, умение ненавязчиво привлечь внимание к своей персоне и продемонстрировать непревзойденные таланты на теннисном корте, балах и турнирах, потрясающая уверенность в себе и доблесть, которую он проявлял на охоте, в сражениях и подвигах за игорным столом.

Но я не витаю в облаках, моя любовь к нему не слепа, я не идеализирую его и не забываю о своем долге. Я люблю Роберта, но вижу, каков он на самом деле, и, несмотря ни на что, многое в нем мне не нравится. За его пылким темпераментом кроется ледяной холод, режущая сталь — за благородной нежностью, а неумолимая жестокость — за роскошной бархатной завесой доброты. Я часто задумывалась над тем, была бы его страсть ко мне столь же безрассудной, бурной, безудержной и всесильной, будь я простой смертной, такой же дочкой какого-нибудь сквайра, как и Эми, а не английской королевой? Наверняка нет. Впрочем, возможно, я просто больше не верю в то, что люди могут быть искренними по отношению ко мне. Я не могу доверять ни одной живой душе, для меня это — непозволительная роскошь, ведь я — в первую очередь королева, а потом уже женщина. Англия всегда будет превыше Елизаветы, и хотя временами

случается так, что я едва справляюсь с бурей чувств, клоко-чущей во мне, и начинаю сетовать на несправедливости злого рока, я никогда не продам свою душу или королевство, оказав излишнее доверие не тем людям. Мои личные цели и предпочтения — ничто по сравнению с моим истинным призванием. Хотя я и прослыла королевой-девственницей, но все же считаю, что прихожусь матерью целому народу.

Роберт унаследовал от отца и деда особое стремление идти на все что угодно и ставить на карту все, что у него было, только бы оказаться на самой вершине и снискать величайшую славу, и эта жажда, будоражающая его кровь, затмевала даже сияние звезды его собственного честолюбия. Но не все то золото, что блестит. Матушка частенько повторяла эту народную мудрость моему отцу, когда тот спрашивал, почему она предпочла неуклюжего как медведь и глуповатого Гарри Перси¹ более изящному, обходительному и величавому дворянину.

Мы с Робертом стали едва ли не самой скандальной парой всего цивилизованного мира. Очень многие готовы были целое состояние поставить на то, что я именно его возьму в законные мужья, его и только его. Я и сама не раз намекала на подобный исход, чтобы напустить туману на свои матримониальные планы; мне было лишь на руку сбивать с толку своих незадачливых поклонников. Даже моя кузина, королева шотландская², по слухам, отпустила недавно язвительное замечание по поводу того, что королев-

¹ Генри (Гарри) Перси (1502—1537), 6-й граф Нортумберлендский — неудачливый жених Анны Болейн, которая позднее стала второй женой короля Генриха и матерью королевы Елизаветы.

² Мария Стюарт (1532—1587). В 1567 г. низложена в связи с подозрением в убийстве своего мужа, бежала в Англию, где в конечном итоге была казнена Елизаветой по обвинению в заговоре с целью захвата власти в Англии.

ский конюший убил собственную жену, дабы освободить кое для кого место на своем супружеском ложе. Что ж, пусть эти сплетники спорят хоть до посинения — их всех ждет постыдный проигрыш! Они будут уверены в своей правоте до последнего, но эта игра — лишь часть бесконечного танца и круговерти событий, в которой постоянно соперничают рассчитывающие на мою руку кандидаты, теряясь в догадках касательно моего выбора. И хотя я намерена была поддерживать эту игру до конца, в моей власти было лишь выбирать, что им танцевать — торжественную павану или стремительную гальярдю. Я — Елизавета Английская, королева без короля, я даю указание музыкантам играть, а придворные лизоблюды лишь движутся в нужном мне темпе и ритме; так было и так будет всегда, до конца моих дней. Пока я жива, не бывать королем Англии Роберту I и никому иному!

Я потянулась и расправила складки на кружевном поясе Эми и шелковый бант, уложив ровно длинные ярко-желтые ленты и тонкие нити мелкого жемчуга. Я все еще чувствовала запах лаванды и розмарина, хоть он и начал уже рассеиваться вместе с мечтами Эми о дочери, которой ей всегда так хотелось дать жизнь, подарить материнскую любовь и нежный поцелуй в день ее венчания, мечтами, которым не суждено было исполниться.

Хотя бы на кружева Роберт не поскупился. Эми их обожала, говорила, что они подобны «снежинкам, которые никогда не растают». Я сама, разумеется, не слышала от нее таких слов, только злую пародию Роберта на них, вечно повторявшего эту ее фразу, оставляя широкий росчерк на векселе для портного Эдни. А еще он возмущался: «Кружева, кружева, снова эти кружева!» Он вечно принижал ее достоинства, насмехался над ней. Роберт бросил ее в деревне, совсем одну, на попечении своих друзей, не дав ей ни детей,

ни собственной крыши над головой, в то время как сам танцевал на балах английской королевы, щедро одаривая последнюю драгоценностями, спускал сотни фунтов, играя в карты и кости, тратил уйму денег на собственный весьма нескромный гардероб и изысканную мебель, благодаря чему в Лондоне не осталось не знакомых с ним ростовщиков. А вот на пару отрезов кружева для жены он скупился. И это была лишь одна из черт, что не нравились мне в любимом мужчине.

Иногда я посылала Эми кружево и другие премилые безделицы от имени Роберта — отрез шелка, ярко-голубого, как колокольчики по весне; чудный белый шелковый головной убор, окаймленный серебряной лентой и расширенный лиловыми и розовыми нитями; венецианское зеркало в изящной раме, расписанной цветами; алые перчатки, украшенные крошечными розовыми бутонами, — на день рождения. Я знала, что он не станет раскрывать мой нехитрый обман — ему нравилось слышать от Эми кроткие, милые слова благодарности, он чувствовал себя при этом едва ли не золотой статуей бога, даже прекрасно зная, что к подаркам, полученным женой, он не имеет ровным счетом никакого отношения.

Мне это чувство было известно не понаслышке, ведь меня называют живым воплощением целомудренной богини Дианы, Королевой-девственницей, Непорочной девой, мне поклоняются, меня почитают, обо мне слагают песни и стихотворения. Казалось бы, такое безмерное восхищение всех и вся должно было ударить мне в голову, как крепкое, молодое вино, но, вопреки мнению многих, этого не случилось, ибо я знаю истинную цену золотой короны, разукрашенной самоцветами. Слава правителя столь же опасна, как и шаткий стул, одна ножка которого короче других, и власть не является привилегией одного властелина. Чем выше взлетаешь, тем больше падать — и каждому, кому посчаст-

ливилось почувствовать вкус власти, нельзя забывать об этом ни на минуту.

Ее короткие письма, исполненные любви и благодарности, стали тем самым доказательством, которое Роберт мог предъявить любому, усомнившемуся в том, что мой возлюбленный был хорошим мужем своей жене. Очень часто я задумываюсь о том, почему с таким упрямством множество женщин дарит свою любовь тем, кто ее недостоин, как, например, и моя сестра, возложившая свою жизнь на алтарь любви к Филиппу. Это происходит, как мне кажется, потому, что мы боимся никогда не найти кого-то по-настоящему достойного наших чувств и со всей щедростью богатого филантропа преподносим бесценные дары своей любви первому встречному, только бы не чахнуть над ней, подобно жалким сквалыгам. Да и приданое старой деве на смертном одре не пригодится — так почему бы не прожить жизнь в радости и довольстве на полученные в наследство деньги? Вот что мы делаем: растрачиваем свою любовь, в крайне редких случаях находя ей достойное применение, и умираем, так и не познав ее истинной силы.

Любовь Эми к кружевам — «снежинкам, которые никогда не растают» — была одной из тех немногих вещей, что пренебрежительно, насмешливо или разгневанно сообщил мне Роберт о своей жене за все эти годы. И вот я стою у ее гроба, не в силах отвести глаз от покойной, вдруг понимая, что мне — той самой сияющей белой башне из слоновой кости, тому самому гордому и непобедимому врагу, которого так ненавидела Эми, — было известно о ней больше, чем удосужился узнать ее собственный муж за десять лет супружеской жизни, с того самого момента, как в нем впервые проснулась алчная похоть, прикрывшаяся любовью, как волк овечьей шкурой, и до того дня, когда умерли все иллюзии этой женщины, после чего в ее сердце поселились одиночество и боль, холод и безразличие.

Роберт стремился к недостижимой цели, на которую не имел никакого права, — он хотел прибрать к рукам мою корону, хотел править Англией. Точно так же и я хотела невозможного, претендуя на то, на что, так же как и он, не имела права. Я хотела красивого и сильного мужчину с веселым нравом, чья компания будет мне в радость, с которым я обрету столь желанную свободу и которого буду интересоваться лишь я, простая девушка Бесс¹, а не английская королева. Мне нужен был человек, с которым я никогда бы не стала рабой супружеской жизни. Я искала свободы, но не меньше — любви, страсти и женского счастья, я искала любовника, а не мужа, и уж точно меня не интересовали кандидаты не на мое сердце, а на мой трон.

Мы с Робертом Дадли знакомы с детства, я влюблена в него с восьми лет; и я, даже не попытавшись узнать, так ли это на самом деле, охотно приняла на веру его слова о том, что они с Эми — чужие друг другу люди и что их любовь угасла много лет назад. А даже если бы и попыталась — разве смогла бы расстаться с ним, отпустить к ней? Разум говорит «да», а сердце говорит «нет». И вот передо мной лежит женщина, погибшая вследствие игры, что вели мы с Робертом, из-за нашего страстного флирта, бесконечной погони и безудержного танца, от которого кругом шла голова, но в конце концов... победила смерть, забрав жизнь невинной и беспомощной леди, столь же неразумно, как и я, любившей Роберта Дадли, но имевшей на это чувство гораздо больше прав, будучи его законной женой.

Мы составляли треугольник, на вершине которого стоял Роберт, а мы с Эми — по сторонам, выступая в этой пьесе лишь на вторых ролях и держась за руки в нижней части

¹ Бесс, Бесси, Бетти, Бетси — уменьшительные от имени Елизавета (как и Лиз, Лиззи, Лисбет, Элайза и др.).

получившейся сложной фигуры. Будь я добрее, протяни я тебе руку дружбы, Эми, как бы ты поступила тогда? Протянула бы руку в ответ или же оттолкнула бы ее из страха, от злости или обиды? Теперь, когда уже слишком поздно что-то менять, я так хочу встретиться с тобой лицом к лицу — с живой, здоровой женщиной, а не с холодным трупом — и коснуться твоего подбородка, заглянуть в твои глаза, сияющие от слез, как изумруды, и сказать: «Не бойся меня, Эми. Я никогда не хотела тебе зла». Если бы мне выпал шанс пережить заново эти годы, смогла бы я перебороть свои ревность, гордыню и самолюбие? А ты — смогла бы позабыть обиды, поверить мне и принять мою дружбу? Это еще один вопрос, ответ на который мы никогда не узнаем, равно как и причину таинственной твоей смерти в тот день, когда тебя нашли у подножия лестницы. Сбросили ли тебя со ступеней, или же твоя смерть была тихой и мирной? Узнаем ли мы когда-нибудь, что случилось с тобой на самом деле?

*Эми Робсарт Дадли
Деревня Камнор близ Оксфорда, графство Беркшир,
воскресенье, 8 сентября 1560 года*

От горячей воды в ванне поднимались клубы пара, лаская мое лицо, словно теплые, нежные ангельские крылья, и забирая все мои силы. Я витала в облаках, застыв на грани сознания, голова чуть кружилась, и мне казалось, будто стоит мне попытаться подняться — и я не удержусь на ногах. Часть меня хотела поддаться чарам Морфея, манившего меня все чаще в последнее время, погрузиться в тревожный сон и никогда больше не просыпаться. Теперь каждый раз, когда я засыпала, мне снилось, будто я сижу в лодке, уносимой в море прибоем, и бечевка, которой мое хлипкое суденышко было привязано к берегу, натягивается все сильнее и сильнее. Иногда это пугало меня, порой мне и вовсе не было до этого дела, я поворачивалась к берегу спиной, устремляла взор к горизонту в предвкушении плавания и оставляла позади все свои горести и невзгоды. Откуда-то из глубин моего желудка подступала тошнота, похожая на змею, свернувшуюся клубком и пробуждающуюся от сна.

Морская болезнь вступала в свои права медленно, давая о себе знать постепенно, а не внезапно, как это происходило обычно, когда я вынуждена была срочно бежать за тазом, который сейчас мне едва ли удалось бы найти. Но дорогой моей мистрис Пирто, прослужившей мне верой и правдой все двадцать восемь лет моей жизни, вначале нянюшкой, затем в качестве дуэньи, а после — снова нянюшкой, я ничего не скажу — это лишь расстроит ее, ведь она так искренне печется обо мне; мой неудачный брак и сильно пошатнувшееся здоровье стали причиной появления многих морщин на ее излучающем доброту и заботливость лице и серебристой седины в волосах.

Лежа в ванне, я видела небо, темное и беззвездное, через высокие арочные окна — еще одно напоминание о том, что давным-давно здесь жили монахи. Они поселились в этом месте двести лет тому назад, а может, и больше, незадолго до того, как король Генрих приказал закрыть все монастыри и обрек их обитателей, привыкших к уединению, на скитания в сложном, пугающем и зачастую недобром мире. Прежде чем Камнор выкупили, мои ныне просторные покои были разделены на две скромные и тесные кельи, в которых помещалось лишь самое необходимое — узкое ложе, твердое, как доска, ночной горшок и распятие, висевшее над изголовьем, дабы напоминать о том, что Господь видит все. Иногда я будто наяву вижу призрачные очертания снятых со стен крестов, оставшиеся в памяти бывшей обители. Несмотря ни на что я улыбаюсь и заливаюсь краской при мысли о том, что ложе монаха могло стоять прямо на том самом месте, где я сижу сейчас, обнаженная, в своей ванне.

Уверена, простым жителям этого места моя привычка вставать затемно, чтобы принять ванну, кажется необычайным чудачеством — вроде всем известного обыкновения возлюбленной французского короля купаться в бадье

с измельченной клубникой, чтобы сохранить прославившую ее красоту. Многие, верно, уже считают меня женщиной эксцентричной и сумасбродной. Но утренняя ванна в окружении мерцающих свечей, пока весь мир еще спит, так умиротворяет меня, что, несмотря на наготу, я даже сама себе кажусь менее уязвимой, чем обычно.

Мне нравится покойное мое уединение в теплой воде, в которую я с наслаждением погружаюсь задолго до рассвета, до того как начнется извечная повседневная суета. Задолго до того, как внизу послышатся голоса, проснутся улицы, раздастся скрип колес и перестук лошадиных копыт во дворе, донесутся до моего слуха смех и радостные крики играющих снаружи детей, гомон слуг, сплетничание девушек, грохот кухонной утвари, шаги и болтовня из опоясывающей мою комнату длинной галереи, где я так люблю прогуливаться с тех пор, как тело мое охватила немислимая слабость.

Хоть Камнор и состоит на самом деле из четырех отдельных хозяйств под одной крышей, я большую часть времени предоставлена сама себе, несмотря на то что остальные проживающие здесь леди весьма и весьма общительны, и при этом каждая из них считает себя царицей улея и искренне верит, что ее власть в этом доме непоколебима. Такова была мистрис Оуэн, почтенная матушка владельца Камнора доктора Джорджа Оуэна, который, подобно храброму мышонку, осмелившемуся вынуть шип из лапы льва, получил это поместье в знак благодарности за исцеление кровоточащей раны на ноге короля Генриха. Таковы же были и прямолинейная, язвительная мистрис Форстер, жена сэра Энтони Форстера, казначея моего супруга, арендующего жилье в нашем Камноре, и леди Одингселс, одна из тех необыкновенных женщин, что с возрастом становятся лишь краше и привлекательнее в глазах мужчин.

Мои слуги роились в Камноре, словно работающие пчелки, делая все, что им скажут, независимо от того, кто отдал тот или иной приказ. Иногда у них не находилось времени даже на меня, настолько они были заняты, выполняя распоряжения мистрис Оуэн, Одингселс и Форстер. Но мне все равно, я слишком устала, чтобы жаловаться, на пустые севотования у меня уйдет больше сил, чем я готова потратить на такие пустяки, так что мне нет до этого дела. Кроме того, мне нравится быть здесь совсем одной, под бдительным присмотром одной только мистрис Пирто — так я не боюсь того, что, когда нянюшка откроет дверь, какая-нибудь излишне доброжелательная или любопытная служанка заглянет украдкой в мою комнату и увидит мое измученное болями тело и изуродованную левую грудь или, и того хуже, нахально переступит порог покоев и уставится на меня, притворяясь, будто ничего такого не видит. А потом она разболтает всем, как побывала у меня, поднося свежую смену белья, очередную посылку от супруга, решившего порадовать меня новым нарядом, либо же еще одно зелье от лекаря или местной колдуньи, которое должно поправить мое здоровье или, что вероятнее, отправить меня в могилу, будь я достаточно глупа для того, чтобы принимать все эти «целительные напитки».

Если верить слухам, регулярно доходившим до нашей деревни из Лондона и моментально разносившимся по всей округе и дальше, Роберт со своей возлюбленной королевой задумали отравить меня, а значит, я не могла позволить, чтобы хоть капля снадобья из тех, что он постоянно шлет мне, коснулась моих губ. Но все эти зелья такого красивого цвета, что я частенько выставляю пузырьки с лекарствами на подоконник, чтобы лучи солнца попадали прямо на них и освещали настоящей янтарно-рубиново-изумрудной радугой сырой полумрак серых каменных стен Камнора.

Літературно-художнє видання

ПУРДІ Бренді
Полум'яна троянда Тюдорів
Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *О. О. Григор'єва*
Редактор *В. М. Комісарова*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 06.08.2014. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 33,6. Наклад 10 000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у ВАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61012, м. Харків, вул. Енгельса, 11.
Свідоцтво ДК № 2891 від 04.07.2007 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ПУРДИ Бренди
Пламенная роза Тюдоров
Роман

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *О. О. Григорьева*
Редактор *В. М. Комиссарова*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Вережкин*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 06.08.2014. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 33,6. Тираж 10 000 экз. Зак. № .

ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»»:
308015, г. Белгород, ул. Пушкина, 49А

Отпечатано в ОАО «Харьковская книжная фабрика «Глобус»»
61012, г. Харьков, ул. Энгельса, 11
Свидетельство ДК № 2891 от 04.07.2007 г.
www.globus-book.com

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО

141008 г. Мытищи, ул. Колпакова, д. 26, корп. 2

Тел./факс +7 (495) 984-35-23

e-mail: office@bmm.ru

www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

«Книжный Клуб

«Клуб Семейного Досуга»»

61140, г. Харьков-140, пр. Гагарина, 20-А

тел/факс +38 (057) 703-44-57

e-mail: trade@bookclub.ua

www.trade.bookclub.ua

Киевский филиал

04073, г. Киев, пр. Московский, 6, комн. 35,

тел. +38 (067) 575-27-55

e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесский филиал

65017, г. Одесса, ул. Малиновского, 16-А, комн. 109

тел. +38 (067) 572-44-28

e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88

e-mail: support@bookclub.ua

Интернет-магазин: www.bookclub.ua

«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 78-25-25

e-mail: info@ksdbook.ru

Интернет-магазин: www.ksdbook.ru

«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Эпоха правління Тюдорів. Роберт Дадлі закохався в зеленооку Емі Робсарт із першого погляду. Через кілька місяців закохані одружилися, але... щастя тривало недовго. Відразу після медового місяця Роберт вирушив до Лондона, залишивши молоду дружину у провінції. Він мріє про владу і... корону! До Емі доходить чутки про його роман із королевою Єлизаветою... Але навіть королева не змусить її здатися!

Пурди Б.

П88 Пламенная роза Тюдоров : роман / Бренди Пурди ; пер. с англ. В. Полякова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2014. — 640 с.

ISBN 978-966-14-7658-4 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3006-9 (Россия)

ISBN 978-0758265982 (англ.)

Эпоха правления Тюдоров. Роберт Дадли влюбился в зеленоглазую Эми Робсарт с первого взгляда. Через несколько месяцев влюбленные поженились, но... счастье длилось недолго. Сразу после медового месяца Роберт отправился в Лондон, оставив молодую жену в провинции. Он мечтает о власти и... короне! До Эми доходят слухи о его романе с королевой Елизаветой... Но даже королева не заставит ее сдаться!

УДК 821.111 (73)

ББК 84.7США